
В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУР

А. В. ПАК

ЗАРОЖДЕНИЕ ВОЗРОЖДЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В КОРЕЕ В 1905–1910 гг.*

Христианское возрожденческое движение в Корее в начале XX в. – заметная и важная часть корейской религиозной истории. Несмотря на то что трактовки современными учеными этого сложного религиозного и культурного события далеко не однозначны, все они схожи в оценке важности его культурного, исторического и религиозного значения в истории не только японского колониального периода, но и в формировании новых демократических ценностей в современной Южной Корее.

Начавшись как узконаправленное сектантское движение европейских миссионеров, оно по мере усиления своего идейно-религиозного влияния в Корее на фоне острейших религиозных, культурных и социальных противоречий колониального периода сыграло важную роль в формировании современной корейской христианской церкви.

Ключевые слова: *Корейская пресвитерианская церковь, Великое возрожденческое движение (Great Revival Movement), Библейская конференция в Вонсане, Армия справедливости (Бйбён), пастор Киль Сонджу.*

В современной южнокорейской историографии представлено много работ о христианском возрожденческом движении. Причем взгляды историков на его истоки, смысл и значение порою диаметрально противоположны. Для одних это яркая и героическая страница из истории корейской церкви, для других – движение религиозных фанатиков.

* **Для цитирования:** Пак, А. В. 2023. Зарождение возрожденческого движения в Корее в 1905–1910 гг. *Историческая психология и социология истории* 1: 60–78. DOI: 10.30884/ipsi/2023.01.04.

For citation: Pak, A. V. 2023. The Emergence of the Revival Movement in Korea in 1905–1910. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii = Historical Psychology & Sociology* 1: 60–78 (in Russian). DOI: 10.30884/ipsi/2023.01.04.

Историческая психология и социология истории 1/2023 60–78
DOI: 10.30884/ipsi/2023.01.04

Возрожденческому движению предшествовал ряд событий. Одним из наиболее важных стало собрание иностранных миссионеров пресвитерианской и методистской миссий 26 июня 1905 г. в Сеуле в резиденции американского проповедника Д. А. Банкера (Min Kuoung Bae 2005: 220). На нем было принято решение о создании единой протестантской церкви Кореи. 15 сентября 1905 г. в присутствии около 150 миссионеров, представлявших шесть миссий, официально состоялось учреждение Генерального совета евангельских миссий в Корее. Согласно второй статье устава совета его цель состояла в том, чтобы сотрудничать между собой в христианских делах и в конечном итоге основать евангельскую церковь Кореи. Однако Генеральный совет так и не сумел реально осуществить план создания единой христианской церкви в Корее, ограничившись формальным учреждением в 1907 г. Корейской пресвитерианской церкви.

Историками называется множество причин провала первоначального плана создания единой корейской церкви. Среди них – быстрый успех миссионерства и разделение церквей для того, чтобы избежать конфликтов между различными направлениями протестантизма, которые до этого времени вполне мирно уживались между собой.

Однако главным препятствием стала авторитарная позиция самих иностранных миссионеров, которые смотрели на молодую корейскую церковь не как на свою равноправную сестру по вере, но через призму отношений «мудрых отцов и неразумных детей», при которых решать денежные вопросы, обладать властными полномочиями и правом принимать решения априори могли только отцы-основатели, то есть европейцы. Казалось бы, при таком пренебрежительном отношении к местным христианам иностранным проповедникам было совершенно невыгодно ратовать за создание единой национальной церкви. Но здесь все объяснялось материальными причинами. Формально независимая, но легко контролируемая европейцами церковь повысила бы их моральный авторитет и стала бы для них неплохим источником финансовых доходов.

Именно по этой причине иностранные миссионеры столь спешно взялись за план создания единой корейской церкви, из которой реально осуществленным оказался лишь пресвитерианский проект. При этом иностранная миссия, на словах признав полную независимость Корейской пресвитерианской церкви, на деле выступила в защиту своего особого привилегированного положения:

Мы считаем, что для правильного развития местной церкви необходимо, чтобы мы, отцы, продолжали оставаться руководителями, чтобы помочь правильно управлять ее делами до того времени, когда она начнет вести свои дела самостоятельно. От мудрого управления в церковных делах до полной независимости слишком большой шаг, тем более для корейской церкви, чтобы она смогла пройти его в течение одного дня. Молодые, конечно же, могут пользоваться авторитетом и реальной властью, но их независимость нуждается в небольшой отсрочке (Matsutani Motokazu 2012: 134).

К сожалению, на момент этого заявления прошел не день, а уже более двух десятилетий со дня основания корейской церкви, а иностранные миссионеры, проживающие в Корее, все еще продолжали считать, что корейцы как христиане неспособны быть самостоятельными и потому должны «пользоваться покровительством» иностранцев. Проще говоря, миссионеры знали, что независимость корейской церкви является лишь номинальной, и они были полны решимости сохранять такое положение и в будущем.

Поскольку независимость церкви была лишь формальной, неудивительно, что все наиболее важные церковные мероприятия проводились без участия корейцев. Например, исповедание веры, которое теоретически должно было быть сформулировано самими корейцами, фактически было подготовлено Генеральным советом заблаговременно. Исповедание, используемое в Корее, по сути, было полной копией веры пресвитерианской церкви в Индии без преамбулы, единственное отличие заключалось в том, что слово «Индия» в тексте было заменено словом «Корея» (*Ibid.*: 134). Форма внутрицерковного управления и порядок администрирования также были разработаны иностранными миссионерами.

17 сентября 1907 г. Корейская пресвитерианская церковь наконец была провозглашена как независимая. В состав новой пресвитерии вошли 28 иностранных миссионеров и 40 корейских старейшин. Однако и там европейские миссионеры заняли практически все ключевые административные должности.

Это затянувшееся миссионерское господство над корейскими работниками церкви совершенно не отражало желания передать власть местным христианским кадрам. Службой модерации и казначейства пресвитерии продолжали распоряжаться американцы и англичане, и даже когда организация корейской церкви была расширена и включила в себя множество пресвитерий при Генераль-

ной ассамблее в 1912 г., сама ассамблея по-прежнему возглавлялась Горацием Г. Андервудом как председателем и Уильямом Блэйром в качестве главного казначея (Rhodes 1934: 386). Миссионеры не видели проблем в узурпировании высших церковных должностей, потому что, по их мнению, «ни один из корейцев еще не обладал достаточным опытом в руководстве такими крупными организациями, чтобы он был способен принять на себя звание председателя». Само собой разумеется, что привилегия миссионерской «церковной экстерриториальности» не оспаривалась и что миссионеры единолично управляли корейской церковью, не будучи подотчетны корейским христианам.

Духовный раскол между корейскими христианами и миссионерами становился все глубже, и первоначальный дух взаимного доверия уже нельзя было восстановить.

В этой непростой исторической обстановке внезапно и произошло то, что в истории корейской протестантской церкви получило название возрожденческого движения. Оно на время устранило острые вопросы, стоявшие на тот момент перед корейской церковью, превратив разрозненные группы местных христиан в единую духовную общность. Однако затем потребовалось целое поколение новых, уже местных проповедников, которые стали образцом для обретения духовной зрелости корейской церковью и верующими, освободив их от внутренних противоречий и конфликтов. Таковы были исторические события, предшествовавшие христианскому возрожденческому движению в Корее.

Начало Возрождения в среде иностранных миссионеров

Великое возрожденческое движение (далее – GRM, от Great Revival Movement. – *А. П.*), достигшее своей кульминации в 1907 г., не может быть отделено от исторического контекста того времени.

Сама идея Возрождения, несмотря на свою кажущуюся необычность, не была чем-то совершенно неизвестным для корейских христиан. И до этого они довольно часто проводили возрожденческие встречи по изучению Библии в малых группах, и трудились с большим усердием. Семинары по изучению Библии, как правило, проводились в течение зимних месяцев и привлекали сотни людей, которые обычно не решались ходить на большие расстояния. Изучение Библии в небольших группах, утренняя молитва перед восходом солнца, ночная молитва и песенное богослужение были основными пунктами ежедневной программы, которая реализовыва-

лась в течение недели – десяти дней. Изучение Библии часто подкреплялось популярными лекциями и личной проповедью от дома к дому. Устраивались и религиозные семинары по различным церковным проблемам. В начале весны почти всегда проводились общие занятия по изучению Библии для женщин, и для них подобные программы практиковались более часто.

GRM можно условно разделить на два этапа:

1. Возрождение, инициированное иностранными миссионерами, находившимися на тот момент в Корее.
2. Христианское движение самих корейцев, сумевших за короткий срок выдвинуть из своей среды самобытных национальных христианских лидеров.

Началом Возрождения как религиозного явления в истории корейской церкви можно считать 1903 г., когда группа миссионеров из методистской миссии собралась на неделю молитвы и изучения Библии в г. Вонсане. Среди них был и канадский миссионер Харди (Min Kyoung Bae 2005: 221).

Доктор Харди первоначально был направлен в Корею в качестве медицинского миссионера от Миссии канадских колледжей, но в 1898 г. он внезапно расторгнул свои прежние отношения с канадцами и присоединился к Южной методистской миссии США, чтобы заняться евангелической работой в г. Вонсане. Новая работа была для него крайне трудной, и он так писал об этом:

В течение трех лет я работал и упорно трудился в префектуре Канвондо, и провал работы там сделал больше, чем что-либо, чтобы морально сломить и довести меня до полного отчаяния (*Ibid.*).

Эта неудача вызвала у него чувство глубокого внутреннего катарсиса. Во время одного из семинаров он вдруг осознал, что обрел совершенно новое состояние сознания. Он решил совершить акт покаяния перед корейцами, среди которых прошла большая часть его миссионерской жизни, и публично признался в своей неудаче на миссионерском поприще. Затем он пожелал «увидеть корейцев, страдающих за свои грехи, чтобы узреть, что и у них есть подобный опыт осознания» (*Ibid.*). Доктор Харди рассказывает, что тем самым он заставил корейских христиан поделиться своим личным религиозным опытом. Он вспоминал:

После того как я пришел к осознанию полноты Духа Божьего и со смятением на лице поведал им о своем позоре вы-

сокомерия, равнодушии души и неверии, а также о том, к чему они меня привели, они впервые увидели, что значит убеждение и покаяние в практическом опыте. Я рассказал им о том, что простой верой в Божью Благодать я обрел дар Святого Духа (Paik 1987: 330).

Библейская конференция в Вонсане повторилась в 1904 г. Поначалу это был лишь местный опыт, однако вскоре и в других городах иностранные миссионеры начали проводить подобные конференции и религиозные собрания. Так, пасторы Пхеньяна, услышав, что произошло в Вонсане, пожелали устроить Библейскую конференцию и в августе 1906 г. пригласили туда доктора Харди. Члены как методистских, так и пресвитерианских миссий на неделю присоединились к этой акции для обогащения своей духовной жизни. После сбора в Пхеньяне пресвитерианская миссия провела ежегодное собрание в Сеуле. Там преподобный Ховард Джонсон из Нью-Йорка, который тогда посещал миссию в Корее, рассказал о религиозных пробуждениях в Индии и Уэльсе, а затем повторил рассказ о том, что уже произошло в Вонсане. Доктор Грэхем Ли вспоминал: «Его рассказ об этом дал некоторым людям огромное желание обрести такой же личный опыт» (*Ibid.*: 330).

В течение лета и осени миссионеры Пхеньяна продолжали свои молитвенные собрания и проводили специальные встречи для корейских христиан в городе. Они действительно прилагали сознательные усилия, чтобы добиться расширения их духовного опыта. Джордж С. Маккун, писавший 15 января 1907 г. из Пхеньяна, свидетельствовал:

На следующий день после Рождества миссионеры молились в честь Господа. До этого времени мы встречались в полдень. Мы начали собрание с личных покаяний в нашем кругу, и хотя сообщество (европейских миссионеров. – *А. П.*) здесь почти идеально (я могу сказать это, так как я был здесь в течение столь короткого времени, и это не будет, кажется, хвастовством), мы все нашли что-то, в чем стоит исповедаться друг перед другом, для того чтобы у нас могло быть благословение, о котором мы молились (*Ibid.*).

На взгляд автора, на первоначальном этапе это движение во многом было вызвано европейскими миссионерами искусственно, прежде всего чтобы понизить накал антияпонских настроений, которые сумели тогда проникнуть и в церковь.

Во-первых, одна из проблем заключалась в том, что именно в это время стало гораздо больше людей, приходивших в церковь не только для простого восприятия проповеди или решения вопросов спасения души, но и для поиска путей к обретению утраченной национальной независимости. Поэтому большинство миссионеров, достаточно лояльно настроенных к новой колониальной власти, остро ощущали необходимость предотвратить превращение церкви в политическую организацию.

Все это происходило на фоне ожесточенной и бескомпромиссной борьбы между корейскими антияпонскими повстанцами из Армии справедливости (Ыйбён) и японскими войсками, которая практически не прекращалась с 1905 по 1910 г.

Современная южнокорейская историография обычно интерпретирует Ыйбён как проявление антияпонского корейского повстанческого движения. Однако, поскольку многие его лидеры на деле были конфуцианцами и поддерживали традиционные консервативные ценности, это движение было не просто антияпонским, но в целом антииностранным по своей сути. Поэтому на деле одной из общих целей восстаний под эгидой Ыйбён было восстановление традиционного социально-политического порядка путем изгнания из страны всех иностранцев – как европейцев, так и японцев. По этой причине корейские христиане и миссионеры имели довольно критический взгляд на Армию справедливости как реакционную и консервативную силу.

Ыйбён идентифицировали христиан как последователей европейского религиозного учения и, следовательно, предателей. Антихристианские настроения в отрядах Ыйбён были настолько сильными, что они мало сочувствовали корейским христианам и при первой возможности реквизируют у них имущество и деньги на свою праведную войну против японцев. Причем такое антихристианское насилие было распространено в Корее и до японского протектората, и это был не первый случай, когда христианам угрожали физической расправой местные язычники. Напротив, корейские христиане и миссионеры рассматривали повстанцев как обычных бандитов и антихристианских головорезов. Однако, поскольку у них не было собственной военной силы, чтобы бросить вызов Ыйбён, они вынуждены были полагаться на репрессивный аппарат подавления японской администрации.

Во-вторых, вследствие всего вышесказанного миссионеры в этот период остро чувствовали отчуждение между японцами и корей-

ским народом, которое, казалось, предвещало общее восстание. У миссионеров были все основания избегать такого явления. Они не только поняли безнадежность борьбы за заведомо проигрышное дело, но и предвидели опасность превращения молодой христианской церкви в политическую организацию. Преподобный У. Блэйр из Пхеньяна говорил:

Мы [миссионеры] считали, что корейской церкви необходимо не только раскаяться в ненависти к японцам, но и увидеть свой грех против Бога, ибо многие пришли в церковь, искренне веря в Иисуса как своего Спасителя и в то же время стремясь исполнить Божью волю без большого беспокойства за свои грехи... Мы чувствовали... что озлобленным душам нужно отвлечь свои помыслы от политической ситуации в стране и заменить их на свои личные отношения с Господом (Paik 1988: 369).

Кроме того, сознание народа было таким, что оно было особенно восприимчиво к религиозному посланию вследствие потери страной своей независимости. Крушение традиционных корейских ценностей, процесс капиталистической модернизации, совпавший с тяжелым экономическим положением, способствовали появлению людей с особым религиозно-мистическим сознанием.

Другой поток Возрождения подпитывался из религиозного опыта самих корейских христиан. Последствия Библейской конференции, смятение, вызванное трагической ситуацией в Корее, и их горячее желание молиться о Божьей помощи – все это стало основой для того, чтобы локальный вонсанский опыт смог трансформироваться в общенациональный. И здесь так же, как и в первоначальный период корейской истории, на первые роли выдвинулись проповедники из северокорейских провинций*. Именно в это время Возрождение обеспечило молодым корейским церквям достаточную духовную силу, чтобы позднее выдержать многолетнее японское колониальное господство. С точки зрения корейской религиозной истории GRM превратило протестантизм из иностранной в подлинно национальную религию.

Центральной фигурой GRM стал пастор Киль Сонджу (1869–1935) – выходец из Пхеньяна, который прошел долгий духовный путь от простонародного даосизма к протестантизму (Oak Sung-

* Подробнее о причинах роста численности христиан в Северной Корее см.: Пак 2017: 163–165.

Deuk 2013: 272). Именно он сделал Возрождение общенациональным движением. Будучи одним из первых пасторов, возведенных в сан в 1907 г., и помощником пастора в Центральной пресвитерианской церкви в Пхеньяне, он лично инициировал христианизацию нескольких даосских ритуалов и переместил их в религиозные обряды.

Даосы Пхеньяна не принадлежали к элите конфуцианского класса янбанов, но входили в новый «независимый городской средний класс». Они были более терпимы к другим религиям и более открыты для европейского влияния в интеллектуальном и религиозном плане (Oak Sung-Deuk 2013: 272). Однако они не обращались к религиям Японии (буддизм и синтоизм), поскольку антияпонские настроения в Корее были очень сильны, или к католицизму, поскольку последний все еще имел отрицательный имидж как «религия без отца и без короля», но тяготели к религии США (протестантизм). Неслучайно многие из так называемых северных просветителей, которые «начали объединяться как интеллектуальные, политические и социальные силы», приняли протестантизм как основу для своего участия в растущем националистическом движении, и даосские христиане стали одной из групп среди этих религиозных активистов (*Ibid.*).

Первыми из них были Сон Инсо (1867–1930) и Ким Чхонсон (1862–1940), причем последний был близким другом Киль Сонджу. Оба изучали в раннем детстве конфуцианскую классику, но после смерти отцов стали странствующими монахами, а в 20-х гг. XX в. стали практиковать буддизм и даосизм, пытаясь обрести смысл жизни. Во время Японо-китайской войны 1894–1895 гг. именно эти корейские монахи впервые соприкоснулись с протестантизмом.

Еще в 1893 г. Сон Инсо услышал, что в город прибыли американские миссионеры и некоторые корейцы уже обратились в протестантскую веру. В июне 1893 г. он отправился в христианский проповеднический дом с намерением поднять скандал и изгнать оттуда иностранцев, но радушный прием со стороны американского миссионера С. О. Моффета нарушил его первоначальные планы. В знак уважения он получил от американца христианский трактат и Священное Писание. Внимательно прочитав их, он заинтересовался христианством. Так он постепенно перешел в новую веру и отказался от буддизма и даосизма, которые раньше почитал. Напротив, теперь всякий раз, когда он встречал кого-то, то проповедовал: «Носите крест Господа нашего Иисуса Христа и не снимайте его ни на

минуту. Его крест спасет тело и душу человека от мук ада. Он обязательно защитит тебя, если только ты поверишь в него» (Oak Sung-Deuk 2013: 279).

Ким Чхонсон также был религиозным человеком. В детстве он получил конфуцианское образование, а когда ему исполнилось 18 лет, его отец умер. Он ушел из дома и стал посещать буддийских монахов, даосских отшельников и конфуцианских ученых, чтобы найти Истину. Он изучал различную классику и практиковал даосизм, боевые искусства и религиозные посты. В течение пяти лет он также изучил геомантию, народную медицину и магические талисманы. Люди называли его *тоин* («духовный практик») (Oak Sung-Deuk 2013).

В 1884 г. он устроился на работу в книжный магазин. Он стал отцом двух близнецов, и его жизнь, казалось, обрела духовный смысл. Но судьба оказалась жестока к нему: внезапно умерли его дети, жена и мать. Его внутренний духовный поиск продолжался бессонными ночами. Он сумел создать свою собственную формулу заклинаний из 86 китайских иероглифов и повторял ее каждую ночь, ибо хотел обрести Истину. Наконец в какой-то степени он обрел духовный покой. Люди стали уважать его как *киин* («человека, обладающего мистической духовной силой»), человека, который мог бы творить чудеса, и эта молва привлекла к нему группу молодых даосов: Ким Сонтхэка, О Гёнсука, Чон Юнджо, Пэк Вонгука, Чхон Икно, Ли Джэпхуна и Киль Сонджу (*Ibid.*: 281).

В 1893 г. американский миссионер Моффетт прибыл в Пхеньян для открытия миссионерского учреждения вместе со своим помощником Хан Сокджином. Поскольку у Хана было конфуцианское образование, Ким смог спокойно поговорить с ним. Хан дал ему почитать китайские и корейские христианские трактаты. Ким даже изредка посещал часовню, чтобы больше узнать о христианстве. Но он как практикующий даос тогда не смог понять христианских доктрин искупления и откровения. Если человек омылся кровью Иисуса, может ли он оскверниться этой кровью? Как мог Бог, который априори является Духом, передать людям десять заповедей? (*Ibid.*: 282.)

Тогда Хан дал ему прочитать китайский Новый Завет. Ким считал, что его содержание наполнено ложными и ненадежными сведениями. Книга Откровения оказалась выше его понимания. Однажды Чхон Икно и Ким Чхонсон решили посетить Моффета, чтобы проверить, как американец относится к своим родителям с точки зрения традиционной конфуцианской морали.

Во время встречи Ким Чхонсон прямо спросил Моффета: «Как вы, американец, смогли оставить своих родителей и приехать в Корею, за десять тысяч ли от них? Это ли сыновнее благочестие?» Моффет ответил ему: «Братя, что такое сыновнее благочестие: повиноваться воле родителей или нет? Мои родители сами повелели мне поехать в Корею и проповедовать там учение Иисуса» (Oak Sung-Deuk 2013: 282). Тогда Ким окончательно избавился от своих опасений по поводу христианства, и его духовные поиски закончились в 1894 г. обращением в протестантизм.

Получив то, что они позднее описали как особый духовный опыт, бывшие корейские даосы крестились в 1895 г. Позднее они были рукоположены в сан пресвитерианских пасторов: Сон Инсо в 1907 г., а Ким Чхонсон – в 1911 г.

Киль Сонджу – один из первых семи корейских пресвитерианских пасторов, рукоположенных в 1907 г., – когда-то также был даосом. Поначалу он прочитал все конфуцианские книги, но не нашел в них ответы на свои вопросы; затем он стал практиковать даосизм.

С 21 года до 29 лет Киль был странствующим и практикующим даосом. Он полностью посвятил свою жизнь странствиям по Корее, даосским заклинаниям, медитации и религиозным обрядам. Иногда ему казалось, что он слышит звук нефритовой флейты, разлитый в воздухе, и даже чувствовал, как его тело, когда он сидел, скрестив ноги в позе лотоса, самопроизвольно поднималось в воздух на несколько метров. Он даже считал, что может общаться с духами на небесах (*Ibid.*: 283).

Было ли это в реальности или только существовало в его воображении, нам неизвестно, однако, по всей видимости, он действительно обладал экстрасенсорными талантами и способностями. Во всяком случае, среди других людей он уже на тот момент был широко известен как уникальный духовный практик, да и просто физически очень сильный человек.

Когда в 1894 г. Японо-китайская война разбросала жителей Пхеньяна по дальним уголкам страны, Киль испытал печаль из-за разрушения страны и своей неспособности помочь людям. Он начал искать национальные аналоги религии за пределами своей повседневной индивидуальной духовной практики. И внезапно понял, что народного даосизма для этого уже недостаточно. Когда он вернулся в Пхеньян весной 1896 г., то обнаружил, что его друг Ким Чхонсон уже принял протестантизм. «Что, – сказал Киль, – ты хочешь сказать мне, что оставил нашу веру, над которой мы так долго

трудились?» Ким ответил: «Нет, но я наконец нашел то, что мы так долго искали». Киль ответил: «Нет, это ложный путь. Я никогда не вступлю на него» (Oak Sung-Deuk 2013: 284).

Ким промолчал и не стал тогда с ним спорить. Он просто подарил Килью для чтения копию христианского трактата «Двое друзей». Ким посоветовал Киль Сонджу молиться Богу, когда он прочтет трактат. Киль спросил, нужно ли ему молиться христианскому Богу, поскольку он уже поклонялся триединому даосскому божеству, которое считал похожим на христианское. Ким посоветовал Килью помолиться даосскому духу, чтобы он смог точно узнать, было ли христианство истинной верой или ложной (*Ibid.*).

Киль каждый день молился даосскому божеству, и его личные молитвы превратились в борьбу за выбор нового жизненного пути: христианство или даосизм. В период этих молитв Ким дал ему прочесть историю христианского странника. Киль, который сам к тому времени имел подобный опыт, был впечатлен этим трактатом. Тем не менее он не мог знать, кем был христианский Бог, и пока не верил в Иисуса. Ким Чхонсон снова посетил его и предложил ему молиться о христианском Боге как Небесном Отце. Киль ответил: «Как же я могу назвать чужого Бога своим Отцом?» Ким сказал: «Хорошо, тогда позови своего духа и помолись ему».

Киль был поражен спокойствием Кима. «Когда дни прошли, меня охватили сомнения, потому что я увидел, что он победил. Что я мог сделать, так это прибегнуть к старому методу молитвы, но на этот раз уже во имя Иисуса» (*Ibid.*: 285).

Киль молился своему божеству в полночь и на рассвете, надеясь на то, что благодаря познанию истинного Бога он сможет обрести душевное спокойствие.

Постепенно веревка, за которую я так упорно держался, разорвалась, и моя душа повисла над бездной. В область потерянного я вошел, где нет слов, чтобы изобразить мое отчаяние. Это была седьмая ночь, и я внезапно впал наполовину в сон, измученный и отчаявшийся. Сколько времени прошло, я не знаю, но в темноте меня внезапно разбудил громкий голос: «Киль Сонджу!» Когда я сел, растерянный, я увидел перед собой загадочное нечто без названия, сам зал преобразился, и яркий свет воссиял вокруг меня. Покой и всепрощение поселились в моей душе. Это проявилось в многочисленных слезах. Теперь, когда я оглядываюсь назад, я говорю: «О, велика радость! Все мои молитвы наконец были услышаны, и тот Бог, которого я искал в течение многих лет му-

чений, был, наконец, мною найден. Я оказался в Доме своего Отца, в искуплении и прощении» (Oak Sung-Deuk 2013: 285).

Когда христианство вошло в душу Киль Сонджу, его физическое здоровье окончательно пошатнулось, и он полностью ослеп. Сам Киль так вспоминал об этом: «Когда-то я мог видеть, но был духовно слеп. А теперь, как бы странно это ни звучало, я физически слеп, но именно сейчас я обрел подлинное зрение». Киль был крещен Грэхэмом Ли вместе с 28 другими христианами 15 августа 1897 г., а весной 1898 г. он стал прихожанином местной церкви. В 1902 г. в возрасте 33 лет Киль был возведен в сан церковного старейшины Артуром Дж. Брауном, который посетил Корею и Пхеньян. В 1903 г. Киль поступил в духовную семинарию в Пхеньяне, по окончании которой в 1907 г. стал готовым протестантским пастором.

Таким образом, в Пхеньяне наиболее яркими представителями корейского протестантизма стали бывшие даосы, такие как Сон Инсо, Ким Чхонсон, Киль Сонджу и др. Именно они являлись духовным центром быстро растущих пресвитерианских церквей в Северной Корее, ядро которого располагалось в Пхеньяне. Обращенные даосские христиане стали корейскими лидерами ранней Церкви. В то же время следует учитывать, что такой переход вряд ли был бы возможен без духовного влияния американских миссионеров С. О. Моффетта и Г. Ли, которые приняли этих даосов в христианские церкви и осознанно обучили их как будущих национальных религиозных лидеров. Моффет был прагматичным миссионерским служителем, который стремился помочь духовному росту корейских новообращенных. Хотя многие историки считали его одним из самых консервативных миссионеров, у него было очень терпимое отношение к традиционным корейским верованиям, по крайней мере в первые годы пребывания в Пхеньяне. Его открытая пастырская забота позволила бывшим язычникам заинтересоваться протестантизмом и, наконец, стать лидерами быстро развивающегося корейского христианства.

Получив сан проповедника, Киль Сонджу практически сразу включился в возрожденческое движение, внеся в него ряд своих личных оригинальных инноваций и наработок, которыми южнокорейская протестантская церковь активно пользуется и поныне. К их числу относились:

1. Утренние молитвенные встречи прихожан. Они возникли стихийно летом 1909 г. во время молитвенных собраний, которые проводились пастором Киль Сонджу в Центральной пресвитерианской церкви в Пхеньяне. Дело в том, что во время проведения одной из таких встреч Киль почувствовал, что «в христианах возник дух отчужденности», и поэтому он принял решение вместе со старейшиной Пак Чхироком каждый день на рассвете ходить в церковь, чтобы молиться там отдельно от других верующих. Американский миссионер Сваллен так описал этот необычный религиозный опыт корейского проповедника:

Эти два человека со смиренной, искренней верой продолжали молиться каждое утро, в районе четырех часов, в течение примерно двух месяцев, не говоря об этом никому, – на самом деле, я думаю, что никто поначалу и не знал об этом. Но постепенно это стало известно, и одна из групп решила объединиться с ними в этих утренних молитвах. Затем пастор [Киль], видя, что подобное желание есть и у других людей, которые хотят присоединиться к нему, объявил в церкви в воскресенье, что любой желающий, кто хочет помолиться с ними в это время, сможет сделать это, и что для этого колокол будет звонить в 4:30 утра уже на следующий день. Народ начал быстро собираться, и к двум часам ночи набралось уже несколько сотен человек. Когда прозвенел колокол, там уже собралось около 400 или 500 христиан, а через несколько дней число тех, кто встречался в этот ранний час, увеличилось до 600–700 человек. На четвертое утро во время молитвы все участники собрания внезапно расплакались, вспоминая свои грехи безразличия, равнодушия, отсутствия любви и энергии. Затем пришла радость прощения и сильное желание обрести пути и средства работы для Бога. Таким образом, еще четыре утра были посвящены молитве, пению религиозных песнопений и просьбам о Божьем покровительстве, и когда пастор, думая, что настало время что-то сделать, спросил о том, сколько людей отдадут целый день, чтобы пойти и проповедовать неверующим и привести их ко Христу, то практически все подняли руки. Потом он спросил: кто готов ходить два дня? И на этот раз почти все подняли руки. В ответ на вопрос о готовности проповедовать в течение трех дней уже гораздо меньше человек подняли руки, но все равно многие были готовы. Число тех, кто готов проповедовать четыре, пять и шесть дней, соответственно уменьшалось, но даже для семи дней оставалось еще довольно много желающих (Oak Sung-Deuk 2013: 292).

Эти рассветные молитвенные собрания были программой, в которой участвовала вся церковь. С самого начала около 600 человек собрались в 4:30 утра. Характерными случаями на таких встречах были прилюдные покаяния в грехах, испытание радости прощения и предложения дней для добровольной евангелизации. Присутствовавшие на этих импровизированных сборах пообещали трудиться в общей сложности более 3000 рабочих дней, что составляет около шести лет непрерывной работы для одного человека.

Метод Киль Сонджу оказался верным средством для победы над формализмом в церкви и оживил рвение к христианской работе во время движения «Миллионы душ» в 1909–1910 гг. По примеру Пхеньяна и другие церкви в Корее взяли на вооружение утренние молитвы на рассвете.

Важной формой такой молитвы были совместное покаяние и общая молитва за трагическую судьбу корейской нации, потерявшей свою независимость. Корейские христиане полагали, что потеря национальной независимости и японская колонизация были результатом накопленных грехов их предков и ныне живущих людей. Они остро ощущали свою ответственность за судьбу нации и раскаивались за грехи всей страны как ее представители перед лицом самого Господа. Они умоляли всемогущего Бога предоставить им независимость. Пророческий и коллективный смысл общего греха был выражением христианского национализма во время GRM и движения «Миллионы душ». Благодаря этим движениям корейские христиане сформулировали свое видение христианской Кореи, и их молитвы имели сильный национальный оттенок.

Обычно такие религиозные встречи проводились в течение недели, двух недель или шести месяцев (Oak Sung-Deuk 2013: 293).

Это было добровольное молитвенное движение, инициированное самими корейскими христианами, индигенизированное из популярных даосских форм молитвы и частично из буддийских утренних молитв; это было евангелическое молитвенное движение, всегда проводившееся вместе с ежедневными денежными пожертвованиями и подношениями риса во время движения «Миллионы душ»; это было общее молитвенное движение, в котором участвовали все члены церкви; и одновременно это было патриотическое религиозное движение за спасение нации от духовного гнета японского империализма. Киль и другие лидеры сумели приспособить

и адаптировать индивидуальную даосскую ритуальную молитву, которая изначально была предназначена для отдельных лиц и членов семьи, к общественной и коллективной форме молитвы в протестантизме, которая была предназначена для церкви и всей нации.

2. Также Киль Сонджу ввел в церковную практику из народной религии и даосизма «Тхонсон Кидо» («Песенные молитвы»), «Кымсик Сан-Кидо» («Молитвы горного поста») и «Чхольря Кидо» («Полночные молитвы»). Это был еще один способ, в котором GRM индигенизировало христианство в Корее (Oak Sung-Deuk 2013: 293).

3. Киль Сонджу, как и его сподвижники – бывшие даосы, ставшие христианскими проповедниками, впервые использовал в своих проповедях простонародный корейский язык. Дело в том, что до возникновения возрожденческого движения инициатива в проповедях обычно всегда исходила от иностранных миссионеров. Однако из-за языкового барьера (а на начальном этапе лишь немногие из европейцев могли полноценно владеть корейским языком) общение между ними и местной паствой всегда происходило при посредничестве переводчика, в роли которого обычно выступал корейский помощник миссионера.

Кроме того, в неумелых проповедях первых иностранных миссионеров, с трудом подбиравших слова на корейском языке, но при этом обращавшихся к простому народу, подвергавшемуся в тот период величайшему национальному унижению, отсутствовали слова духовной поддержки и утешения (Чон Сонг Ку 1996: 18). Европейцы говорили о чем угодно: о роли покаяния, об искупительной жертве Христа, о божьей любви и всепрощении, кроме того, что действительно волновало тогда умы и сердца всех корейцев. Причем проблема здесь заключалась не только в недостаточном знании местного языка и обычаев, но и в психологии довольно большого числа европейских миссионеров, которые изначально воспринимали корейцев как неких «духовных детей», которым белые европейцы должны преподавать «уроки подлинной цивилизации».

Известный канадский миссионер-баптист Малкольм Фенвик (1863–1935), который на тот момент трудился в провинциальной корейской церкви, считал, что подобный высокомерный взгляд на корейцев закономерно приведет к провалу христианской работы в этой стране. Вот как он вспоминает об этом, основываясь на своем печальном опыте работы на ниве христианской проповеди среди корейцев:

Воскресенье за воскресеньем, месяц за месяцем я трудился, проповедовал и молился и свидетельствовал в искренних слезах о любви Божьей во Христе...

Однако люди просто смеялись надо мной... Напрасно я умолял Иисуса сделать что-либо для них (Min Kuyoung Bae 2005: 253).

Эти безуспешные усилия продолжались несколько лет, и он совершенно отчаялся.

И вот однажды во время прогулки он встретил проповедника Кима, который проповедовал на улице. Он увидел, как проповедь Кима охватила окруживших его людей; его религиозное послание звучало так, как никогда раньше. И он внезапно понял, что эти корейские грешники слушали Кима, потому что он сам был корейским грешником, таким же, как и они сами. Отождествление проповедника с народом – вот в чем истинный секрет передачи Божьего искупления.

Во время проповедей этого человека возникало то, чего ни разу не ощущал я, будучи миссионером. Я видел собственными глазами, я чувствовал, как открывались сердца людей для слов Кима, для слов Истины (Чон Сонг Ку 1996: 18).

Все это поневоле вызывало неподдельное уважение к духовному опыту корейских христиан со стороны иностранных миссионеров, прежде настроенных к ним весьма снисходительно. Вот что писал другой канадский миссионер Джеймс Гейл о проповедях и личности Киль Сонджу:

Его проповедь во власти и в демонстрации Духа Божьего. В его устах слово Божие быстро и всемогуще, оно острее, чем обоюдоострый меч. Его молитвы прекрасны... Поэтому он [Киль Сонджу] живет и трудится с радостью жизни, не имея никаких денег, никакого социального положения, никакого научного образования, никакого знакомства с греческим языком или ивритом, никакого знания об окружающем мире. Ничего, кроме его слепой даосской интуиции и голодного сердца, – таким он пришел к Богу и сразу же был взят им во внутренние комнаты Божественного присутствия; в то время как многие из нас, культурные, утонченные, богатые, мудрые, имеющие право на всякое мнение, сидят лишь на самых нижних ступеньках Его дворца в напрасном ожидании, где до нас доносятся лишь слабые проблески Его Славы, и слабый шепот Голоса Вечности (Oak Sung-Deuk 2013: 296).

Миссионеры признали, что духовный опыт Килья был более глубоким, чем их собственный.

Не было никакой слабости или неуверенности в его речи, лишь одно, но удивительное послание любви, уверенности, прямоты, от которого тает ваше сердце и которое заставляет вас содрогаться (Oak Sung-Deuk 2013: 296).

Так иностранные миссионеры пришли к лучшему пониманию духовного мира корейцев.

Американские миссионеры в Пхеньяне приняли на вооружение прагматичную политику индигенизации, что по сути означало адаптацию христианства к традиционным корейским верованиям без противопоставления их друг другу. Индигенизация позволила принять корейский стиль архитектуры в церковных зданиях и корейские термины для обозначения христианского Бога, обучить корейских лидеров самоуправлению в церкви и использовать теорию самореализации при приближении к традиционным корейским религиям. Миссионеры адаптировали некоторые подходящие элементы даосизма в качестве подготовки к христианскому Евангелию. Христианство было представлено ими как лучший даосизм. Эта эволюционная идея была также приемлемой для бывших даосов, в новое время ищущих свой духовный путь.

Киль Сонджу был ключевой фигурой в этом новом для корейских религиозных лидеров эволюционном процессе принятия даосизма христианством. Его обращение в новую веру было бесценным опытом евангелизма для корейцев, которые исповедовали свои грехи и примирились с Богом. Его случай также наглядно доказал, что при желании возможно совместить даже, казалось бы, совершенно несовместимое – восточный даосизм и европейское христианство. С другой стороны, его способ преобразования продемонстрировал сдвиг религиозной парадигмы в корейской народной духовности от личностной ее ориентации к социальной. Понимая недостатки частной даосской практики перед лицом национального кризиса – потерей национальной независимости, он сумел совершенно интуитивно переложить христианскую теорию североамериканского евангелизма на рубеже веков на практическую почву корейской тоски по современной, независимой нации.

Киль Сонджу и другие даосские христиане смело ввели в практику протестантизма рассветные и всеобщие молитвы, молитвы горного поста и корейские народные песни; они были включены в программу учебного курса Библии и регулярную церковную литур-

гию. Иными словами, все эти духовные практики не были навязаны извне иностранными миссионерами; **они были глубоко корейскими в своих истоках и лидерстве**. Даосские христиане сыграли важную роль в окончательной интеграции американских, китайских и корейских элементов в процессе формирования корейских протестантских молитв и возрожденческой духовности. Эти христианизированные молитвы имели даже более сильное общественное влияние, основанное на религиозном сообществе и нации, чем их оригинальные, более частные, даосские аналоги. Глубокая духовность Киль, мощный проповеднический стиль и простонародный язык, который был более эффективным в убеждении корейцев во время возрожденческих встреч, заставили миссионеров поневоле уважать его как самобытного корейского проповедника. Однако одним из самых выдающихся результатов GRM стало появление корейского руководства, начавшего постепенно смещать центр духовного авторитета корейской церкви от иностранных миссионеров к корейским лидерам, таким как Киль Сонджу.

Литература

Пак, А. В. 2017. *Религиозная ситуация в Корее и деятельность христианских миссионеров в конце XIX – начале XX в.* М.: ИВ РАН.

Чон Сонг Ку. 1996. *Пасторы протестантской церкви в Корее.* М.: Протестант.

Matsutani Motokazu. 2012. *Church over Nation: Christian Missionaries and Korean Christians in Colonial Korea.* Doctoral dissertation. Harvard University. URL: <https://dash.harvard.edu/handle/1/9882530> (accessed: 23.04.2023).

Min Kyoung Bae. 2005. *A History of Christian Churches in Korea.* Seoul: Yonsei University Press.

Oak Sung-Deuk. 2013. *The Making of Korean Christianity. Protestant Encounters with Korean Religions, 1876–1915.* Waco: Baylor University Press.

Paik, L. G. 1987. *The History of Protestant Missions in Korea. 1832–1910.* Seoul: Yonsei University Press.

Rhodes, H. A. (ed.). 1934. *History of the Korea Mission Presbyterian Church U.S.A. 1884–1934.* Vol. I. Seoul.